

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Генрих Хаапе

**ПУНКТ
НАЗНАЧЕНИЯ
МОСКВА**

**ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК
ВОЕННОГО ВРАЧА**

1941—1942

За линией фронта. Мемуары

Генрих Хаапе

**Пункт назначения – Москва.
Фронтвой дневник
военного врача. 1941–1942**

«Центрполиграф»

Хаапе Г.

Пункт назначения – Москва. Фронтовой дневник военного врача. 1941–1942 / Г. Хаапе — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5134-6

Бывший военный врач рассказывает о боевом пути батальона, в котором он служил с начала войны. Буквально по дням автор прослеживает путь, пройденный его батальоном от границ Восточной Пруссии через Литву, Белоруссию до Тверской области – района Ржева. Он не только описывает боевые действия, но и подробно рассказывает о работе военного врача во фронтовых условиях. Большое внимание автор уделяет описанию быта фронтовиков, трудностям, которые им пришлось переживать из-за плохой подготовки армии к русской зиме. Автор не был фанатичным национал-социалистом или ура-патриотом. Будучи военным врачом, он видел свой долг прежде всего в оказании помощи всем страждущим: раненым на поле боя, пострадавшим от холода или болезней.

ISBN 978-5-9524-5134-6

© Хаапе Г.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Генрих Хаапе
Пункт назначения – Москва. Фронтовой
дневник военного врача. 1941–1942

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2014

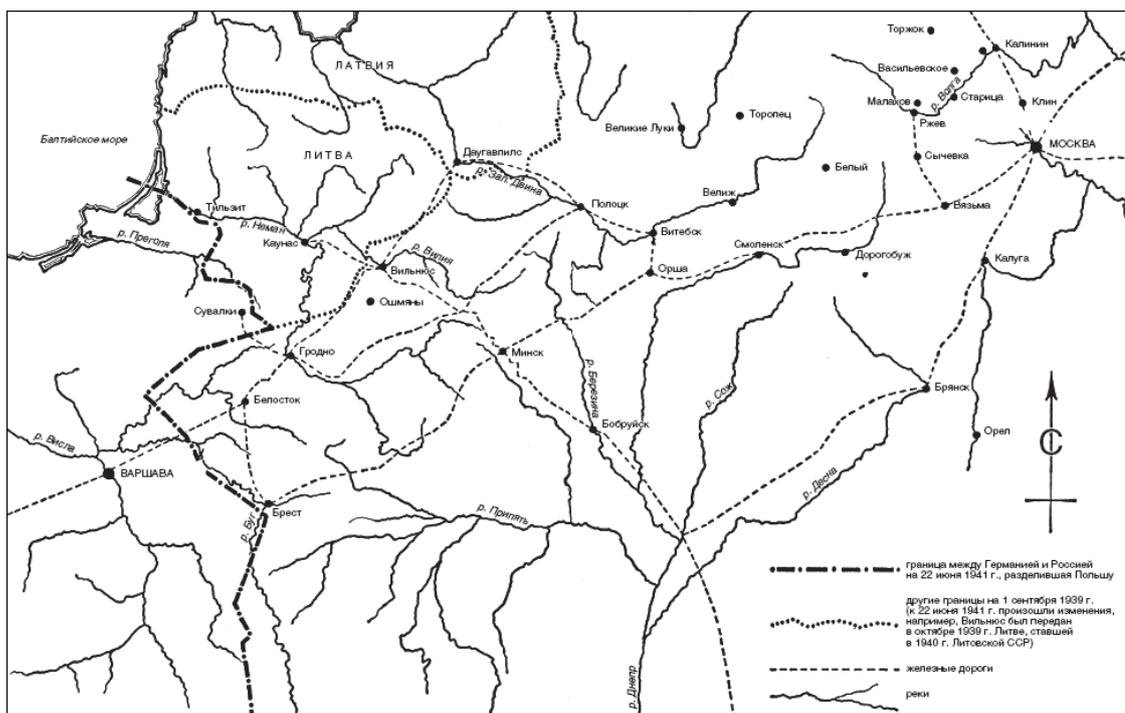
© ЗАО «Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1 Операция «Барбаросса»

Еще пять минут!

Сегодня 22 июня 1941 года. Я стою вместе с командиром батальона Нойхоффом и его адъютантом Хиллеманнсом на вершине невысокого холма, на юго-восточной границе Восточной Пруссии. Перед нами раскинулись просторные равнины Литвы (тогда Литовской ССР в составе СССР), пока еще скрытые в этот предрассветный час в непроглядной ночной мгле. Я бросаю взгляд на светящиеся цифры циферблата своих наручных часов. Сейчас ровно 3 часа утра. Я знаю, что подобно мне миллионы других немецких солдат напряженно смотрят в этот момент на свои часы. Действия всех формирований вермахта синхронизированы друг с другом. Три группы армий и германские люфтваффе приготовились наступать. Глубокоэшелонированные, наши роты, батальоны, полки и дивизии заняли исходное положение для броска вперед. В полной боевой готовности ожидают наступления времени X авиационные эскадры люфтваффе – самолеты-разведчики ближнего и дальнего действия, истребители, дальние и пикирующие бомбардировщики.

Еще четыре минуты!

Весь германский Восточный фронт, от Балтики до Черного моря, занял исходные позиции для нанесения сокрушительного удара по России. Наступление начнется одновременно из Финляндии, Восточной Пруссии, Польши, Карпат и Румынии. Никто из нас не сомневается в том, что смертоносный шквал огня на фронте протяженностью более 2 тысяч километров сметет с лица земли вражеские пограничные укрепления. Наши армии, которым вскоре предстоит штурмовать позиции русских, закалились как сталь на полях сражений покоренной Европы, и всеми германскими воинами овладел несравненный боевой дух. Каждый наш солдат полно-

стью осознает сложность стоящей перед ним задачи. Независимо от того, куда сквозь ночную мглу устремлен его взор, в направлении Ленинграда, Москвы или Киева, в сторону Днестра или Черного моря, каждый воин знает, что перед ним простирается страна поистине бескрайних просторов.

* * *

Еще три минуты!

Я думаю о своих боевых товарищах, о военных врачах в Финляндии, где уже наступил рассвет. Здесь же, в Восточной Пруссии, нас все еще окутывает непроницаемая мгла глубокой ночи, безлунной и беззвездной, так как низкая облачность плотно закрыла весь небосклон. Со стороны неприятеля дует легкий теплый ветерок. Я неожиданно замечаю, что слегка вспотел. Но это, скорее всего, происходит от ужасного напряжения этих судьбоносных минут, нежели от ночной духоты. В мертвой тишине наши штурмовые группы и саперы выдвигаются вперед, к самой границе. То же самое происходит не только на нашем участке фронта, но и повсюду на всем протяжении огромного фронта. Мы все ощущаем себя боевыми товарищами, связанными друг с другом невидимыми узами боевого братства под всеобъемлющим покровом ночи. Узы товарищества охватывают каждого из 3 миллионов¹ немецких солдат, готовых начать величайшую судьбоносную битву в мировой истории: *операцию «Барбаросса»*.

Кто-то из бойцов закуривает сигарету. Звучит резкая команда, сигарета тотчас падает на землю, летят искры, подошва солдатского сапога поспешно накрывает их. Все молчат. Снова воцаряется тишина, лишь изредка нарушаемая негромким позвякиванием металла и топотом или фырканьем какой-то лошади. Мне кажется, что вдаль я уже различаю на небе первые робкие проблески утренней зари. Я невольно ищу что-нибудь, за что можно было бы зацепиться взглядом и отвлечься от обуревающих меня мыслей. Постепенно начинает светать. Большое черное облако, висящее прямо перед нами на востоке, начинает медленно сереть. Неужели эти последние мгновения никогда не закончатся? Я снова бросаю быстрый взгляд на часы.

* * *

Еще две минуты!

Я думаю о далекой родине, мои мысли невольно обращаются к Марте. Видимо, сейчас она спит, как и многие другие невесты, жены и матери миллионов бойцов, находящихся на этом необъятном фронте. Наши любимые дома еще ничего не знают о том, что нам предстоит. Они даже не подозревают, какие опасности поджидают их мужчин в ближайшие часы и дни, недели и месяцы, а может быть, даже и в ближайшие годы. Для них эта ночь точно такая же, как и тысяча других, да и мы бы не отказались, чтобы и для нас она оставалась такой же. Но нам предстоит наступать. Названия городов и деревень будут постоянно меняться. Некоторые из них прекратят свое существование, другие оставят неизгладимый след в нашей памяти, а некоторым суждено на долгие годы войти во все учебники и книги по истории. Но мы еще

¹ Для осуществления плана «Барбаросса» были выделены следующие силы и средства Германии и ее союзников. Германия: сухопутные войска – 3 млн 300 тыс. чел., ВВС и ПВО – 1 млн 200 тыс., ВМС – 100 тыс.; всего 4 млн 600 тыс. чел., 153 расчетные дивизии (2 бригады при расчетах приравниваются к 1 дивизии), свыше 42 тыс. орудий и минометов, более 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 4 тыс. самолетов. Финляндия, Румыния и Венгрия: 900 тыс. чел., 37 расчетных дивизий, 5200 орудий и минометов, 260 танков и штурмовых орудий, 980 самолетов. Итого: 190 расчетных дивизий, 5 млн 500 тыс. чел., 47 200 орудий и минометов, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов. Из этого числа 24 дивизии со средствами усиления находились в резерве главного командования сухопутных войск (ОКХ). Всего в первом стратегическом эшелоне находилось 129 немецких дивизий и 37 дивизий стран-сателлитов. На фронте от Балтийского моря до Карпат было сосредоточено 75 % орудий и минометов, 90 % танков и авиации. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

не знаем, каким именно. Деревни будут стерты с лица земли, и многие жители покинут свои родные города. Испуганные люди будут потерянно стоять на обочине дорог, а бесчисленные могилы будут окаймлять поля сражений и автодороги. Между тем утро приближается с каждой минутой. Там, где горизонт пламенеет в лучах восходящего солнца, там будет война.

* * *

Еще одна минута!

Мы не в состоянии думать ни о чем другом, кроме как о том, что произойдет через несколько секунд. Напряжение момента достигает такой степени, что у нас перехватывает дыхание. Мы ждем, наши лица застыли, а от бешеного пульса стучит в висках. Кажется, что весь мир застыл в ожидании...

И вот этот долгожданный момент наступил! Словно могучий раскат грома тысячи немецких орудий одновременно открывают огонь. Вспышки их выстрелов мгновенно превращают предрассветные сумерки в ясный день. В считанные доли секунды весь фронт, протянувшийся на тысячи километров, оживает. Начинается настоящий ад, в эти страшные мгновения на наших глазах творится история. Орудия всех калибров ведут огонь прямой наводкой по пограничным укреплениям русских. Снаряды тяжелых мортир проносятся с глухим, леденящим кровью рокотом над нашими головами в сторону противника. Ему вторят частые очереди тысяч пулеметов и автоматов. Русские открывают ответный огонь. Мы слышим пронзительный вой их тяжелых снарядов, проносящихся в ночном небе над нами. Но потом огонь немецких орудий возрастает до такой степени, что превращается в потрясающее «крещендо». Наши штурмовые группы и передовые отряды пехотных подразделений врываются на вражеские позиции. Мы знаем, что и наши танки уже прорвались сквозь оборонительные рубежи русских и устремились вперед, изрыгая огонь из своих орудий.

* * *

3-й батальон 18-го пехотного полка, находящийся в полной боевой готовности, все еще занимает свои исходные позиции и ждет приказа на выступление. Мы получили задание оказать массированную огневую поддержку наступающим подразделениям в тех местах, где противник оказывает наиболее упорное сопротивление. В то время как надвигающиеся предрассветные сумерки с трудом пытаются пробиться сквозь вспышки огня ведущего повсюду ожесточенного боя, с вершины нашего невысокого холма мы наблюдаем за быстрым продвижением вперед наших боевых частей. Почти две тысячи километров вражеской территории простираются между нами и нашей главной целью: *Москвой*.²

6-я пехотная дивизия, к которой мы относимся, является частью группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока. Именно на нашу группу армий «Центр» будут обращены взоры всей Германии в надежде на сенсационную, молниеносную победу. В гораздо меньшей степени это касается группы армий «Юг», наступающей на Украине, и группы армий «Север», цель которой – Ленинград. Мы знаем, что наша задача является важнейшей из всех, стоящих перед германскими победоносными армиями.

Литовская таможня пылает ярким пламенем. Большая часть русских пограничных укреплений разрушена огнем немецкой артиллерии и взята штурмом. Лишь отдельные бетонированные доты (долговременные огневые точки) продолжают храбро защищаться, ожесточенно отбиваясь от непрерывных атак немецких войск. Но вскоре и они будут окружены, а

² По прямой от указанного автором района Сувалки до Москвы около 900 км, по дорогам (через Минск, Смоленск, Можайск) чуть больше 1000 км.

затем и уничтожены. Вот группа наших пикирующих бомбардировщиков пронесется в восточном направлении, совершает боевой разворот и с оглушительным воем устремляется к земле. Грохот разрывов сброшенных ими бомб вплетается в общую симфонию битвы. Пикирующие бомбардировщики перестраиваются для нового захода и снова атакуют, на этот раз они поливают противника огнем из своего бортового оружия. В конце концов их силуэты исчезают вдали. С нашего невысокого холма все это выглядит как грандиозное зрелище, как батальная сцена невиданного спектакля, однако все это крайне серьезно! Рядом со мной неподвижно возвышается высокая фигура командира нашего батальона Нойхоффа. Словно пытаюсь убедить самого себя в чем-то, он тихо бормочет себе под нос: «Ну, вот мы и вступили в войну с Россией! В войну с Россией!»

С наступлением дня теплый ветерок с литовской стороны стих. Перед нашим взором пылает все больше и больше пожарищ. Облака грязно-черного дыма, клубясь, медленно поднимаются все выше и выше и расплзаются над холмами и лесами. Через связного-мотоциклиста мы получаем приказ к выступлению. Сейчас 3:45 утра. Не верится, что прошло всего лишь сорок минут с того момента, как впервые заговорили пушки! Нойхофф отправляет связного с приказом к нашим связистам. Раздается команда «Становись!», и мы выступаем.

Какое же это облегчение, наконец, двинуться вперед. Но я передвигаюсь не пешком, а на своей лошади, которую приходится держать в жесткой узде. Плут (такова кличка моей лошади) ведет себя беспокойно. Очевидно, мое внутреннее напряжение передалось и животному. Я стараюсь успокоиться. Очень скоро человеку и лошади предстоит непростое крещение огнем, и я задаюсь вопросом, как мы его выдержим. Меня беспокоит то, что охватившая меня нервозность может негативно сказаться на твердости моей руки, необходимой при операции. Я трюгаю сумку с медикаментами и медицинскими инструментами. Согласно уставу она приторочена к седлу. Все в порядке! Петерман, в обязанности которого входит уход за моей лошадью, трусит позади меня с двумя санитарными сумками с перевязочным материалом. В нескольких сотнях метров позади нас за нами следует санитарная машина с санитарями: Дехорном, Мюллером и Вегенером.

Мы видим первого раненого солдата. У него пулевое ранение в руку. Я развязываю резиновый жгут и снимаю временную повязку, которую наложил санитар на поле боя. Кровотечение незначительное, так как пуля прошла навывлет и, видимо, лишь слегка задела кость. Быстро накладывается давящая повязка, а рука закрепляется в перевязи через шею.

– Ну, как там дела впереди? – спрашиваю я раненого солдата.

– Унтер-офицер Шефер и еще один офицер погибли. Я не знаю, кто именно. Других потерь нет. Наступление развивается успешно. Но подробностей я не знаю, герр ассистенцарцт, все произошло так быстро! – бодро отвечает раненый.

– Возвращайтесь назад по этой дороге, – говорю я ему, – пока не встретите санитарную роту! Она следует за нами!

С улыбкой солдат отправляется в обратный путь. Война продолжалась для него всего лишь каких-то пять минут. Я снова вскакиваю в седло, прищипываю своего Плута и нагоняю головную группу нашей колонны. Петерман следует за мной. Вскоре мы уже скачем рядом с командиром батальона Нойхоффом и его адъютантом Хиллеманнсом.

– Все в порядке? – спросил меня командир.

– Так точно, герр майор! Всего лишь легкое ранение в руку.

– Как вы представляете себе оказание раненым необходимой медицинской помощи в условиях, когда подразделение так растянуто?

– Все спланировано очень тщательно, герр майор!

– Хорошо, но каковы именно ваши планы, Хаапе? – продолжал настойчиво интересоваться Нойхофф.

– Эта дорога, проходящая мимо таможни, ведет к автодороге на Калварию. Туда с санитарной ротой выдвигается оберштабсарцт доктор Шульц и принимает всех раненых, которым я оказал медицинскую помощь. Тяжелораненых я прикажу временно размещать в близлежащих к дороге домах, с ними останется один из наших санитаров, пока доктор Шульц не заберет их. Точно таким же образом будут действовать и остальные батальонные врачи!

– Хорошо! – пробурчал себе под нос Нойхофф.

* * *

Погибшим офицером оказался лейтенант Шток из нашего батальона: он был сражен пулей русского снайпера, занимавшего позицию в высокой ржи. Тело Штока лежало посреди вытопанного ржаного поля. Два бойца из 11-й роты Крамера, в которой служил и Шток, копали ему могилу в мягкой, податливой земле. Четверо пленных русских солдат угрюмо наблюдали за их работой. У двоих из них сквозь свежие, только что наложенные повязки сочилась кровь. Мой маленький, бойкий санитар Дехорн дал одному из русских напиться воды из своей фляжки. Я заметил, что двое других русских, стоявшие в стороне от остальных, не были даже перевязаны, хотя на ноге у одного из них была зияющая, сильно кровоточащая рана. Мой другой санитар, унтер-офицер Вегенер, охранял пленных с автоматом в руках, очевидно, это был автомат погибшего Штока. И мой третий санитар, ефрейтор Мюллер, с хмурым видом не спускал глаз с русских.

Не опуская автомата, Вегенер отдал мне честь и доложил:

– Мы перевязали этих четверых русских, герр ассистенцарцт! Но что нам делать с двумя другими? Замаскировавшись во ржи на этом поле, они застрелили лейтенанта Штока выстрелом в спину. Позднее наши ребята нейтрализовали этих типов с помощью гранаты. Мы что, должны оказывать им первую помощь?

– Мы не судьи им, Вегенер! – резко оборвал его я. – Наша задача – помогать раненым! Как немцам, так и русским! Даже в том случае, если они убили одного из наших офицеров выстрелом в спину. А теперь, пожалуйста, опустите свой автомат!

Тем временем солдаты закончили рыть могилу и опустили в нее тело Штока. Саперными лопатками они быстро засыпали тело погибшего офицера рыхлой землей и, соорудив грубый березовый крест, воткнули его в могильный холмик. Вот и все, что можно было сделать для погибшего товарища. На крест водрузили стальную каску и повесили идентификационный жетон лейтенанта. Каска и жетон свидетельствовали о том, что здесь покоится лейтенант Шток, погибший в 21 год. Ничто на этой могиле не указывало на то, что юный лейтенант был прекрасным пианистом, что незадолго до того, как мы покинули Нормандию, своим исполнением «Лунной сонаты» во время мессы в часовне городка Литри он добился того, что заставил множество слушателей из нашего батальона забыть обо всем на свете. И вот всего лишь за какое-то мгновение лейтенант Шток был вырван из этой прекрасной жизни ужасной смертью. За то мгновение, которое потребовалось русской пуле, вылетевшей из ствола снайперской винтовки, долететь до его сердца...

До сих пор я не раз видел умирающих, которые хотя бы несколько минут находились на пороге смерти. Но еще никогда прежде жизнь человека из моего ближайшего окружения не обрывалась так быстро. Внезапная смерть Штока переключила мои размышления о себе самом на мысли о моих боевых товарищах. Теперь следовало раз и навсегда покончить с самокопанием! С этого момента я должен смотреть на войну глазами своих товарищей из 3-го батальона! Вполне возможно, что в будущем с нашим батальоном может произойти еще многое такое, что вытеснит из памяти воспоминания о юном лейтенанте Штоке и о его тонких красивых пальцах пианиста.

Мы проехали мимо горящего здания таможни, покинув тем самым Восточную Пруссию, и вступили на территорию Литвы (с 1940 года Литовской ССР в составе СССР). Многочисленные заграждения из колючей проволоки, в беспорядке опутавшие луга и поля, вскоре остались позади нас. Перейдя границу, мы оказались в совершенно другом мире. Разумеется, земля и ландшафт по обе стороны от этой возведенной людьми границы были такими же. Однако вместо красивых крестьянских дворов и ухоженных полей Восточной Пруссии мы увидели каменистые пашни, покосившиеся крестьянские избы и очень бедно одетых людей.

Для жителей приграничных областей война закончилась уже через какой-то час с небольшим после своего начала. И растерянные люди, находившиеся в явном замешательстве, уже начали робко выходить из своих укрытий. Эти литовцы наверняка видели развертывание советских войск в приграничном районе, однако они явно не ожидали, что мы сможем так быстро и внезапно их разгромить. К сожалению, у нас не было времени остановиться, чтобы поговорить с ними. Передовые отряды нашей пехоты продвинулись почти на пять километров в глубь территории противника, а наши танки, вероятно, уже глубоко вклинились на литовскую равнину, чтобы начать первую из многих операций по окружению врага. Противник, имевший большое преимущество в живой силе и технике, в панике отступал.³ И мы должны были позаботиться о том, чтобы так было и впредь!

И подразделения наших люфтваффе были постоянно задействованы в боевых действиях, активно поддерживая наступление наземных сил. С прифронтовых полевых аэродромов один за другим взлетали боевые машины наших прославленных асов. Все утро мы смотрели, запрокинув голову, как над нами проплывали немецкие авиационные эскадры: басовито гудевшие бомбардировщики⁴ «Хейнкели» и «Дорнье», пронесившиеся с оглушительным воем истребители «Мессершмитты» и пикирующие бомбардировщики. Все они летели на восток, соблюдая идеальный строй, как на воздушном параде, словно не было в мире ничего проще, как заходить на обнаруженные вражеские цели над территорией, где все еще продолжались ожесточенные бои.

Неожиданно вдаль мы услышали другое гудение, которое было нам незнакомо и которое становилось с каждой минутой все громче. Но даже в наши бинокли мы все еще не могли ничего рассмотреть. И вот в бреши в плотном слое облаков появились они: пять, шесть, семь русских бомбардировщиков! Наша походная колонна остановилась. Все бросились врассыпную, в поисках хоть какого-нибудь подходящего укрытия на обочине дороги. Пулеметчики залегли вместе со своими пулеметами на подходе к самой дороге ржаных полях. И тут мы рассмотрели, что это были не тяжелые бомбардировщики, а небольшие, тупоносые монопланы и бипланы с усеченными крыльями, вероятно русские пикирующие бомбардировщики. Они пролетели прямо над нашими головами, однако, очевидно, не мы были их целью. Наши пулеметчики и зенитчики открыли по ним огонь. Тогда справа от нашей колонны русские пилоты бросили свои самолеты резко вниз. Примерно в двух километрах за нашей спиной, в тылу, мы слышали глухие разрывы сброшенных русскими бомб и увидели огромные клубы пыли и дыма, поднимающиеся вверх. Вот советские самолеты снова пронеслись над нашими головами на восток, но не в таком четком строю, как наши асы люфтваффе. Наша колонна продолжила свое движение на восток.

А вот и первые пленные! Каждый из нас пристально рассматривал их, стараясь узнать как можно больше о новом противнике. Их оказалось около пятидесяти человек, то есть примерно взвод. Русские были одеты в военную форму цвета хаки, на них были просторные гим-

³ Превосходство в живой силе было у немцев и их союзников.

⁴ Это были истребители устаревших образцов И-16 («тупоносые монопланы») и И-153 («бипланы» у автора), использовавшиеся как штурмовики.

настерки, все солдаты оказались одинаково острижены наголо, у большинства из них были широкие невыразительные лица.

От находившейся недалеко от дороги крестьянской усадьбы донесся крик – это звали санитаров. Вместе с Дехорном и Вегенером я поскакал туда и увидел несколько гражданских и множество раненых русских солдат. Я оказал первую помощь пострадавшим, имевшим более серьезные ранения, и приказал Вегенеру заняться легко ранеными. После этого он должен был сообщить в санитарную роту о месте, где лежали раненые, а затем сразу же нагнать меня.

Оказалось, что в настоящий момент самым лучшим средством передвижения была лошадь. Я пронесся галопом вдоль дороги по полям и таким образом вскоре смог обогнать колонну и опять присоединиться к Нойхоффу.

Неожиданно со стороны ржаного поля, находившегося не далее чем в пятидесяти метрах впереди нас, раздались выстрелы. Над нашей головой просвистели пули. Нойхофф так резко осадил своего коня, что тот встал на дыбы. Все спешили. Аdjутант Хиллеманнс и несколько наших бойцов, стреляя на бегу, бросились к ржаному полю. В высокой ржи завязалась рукопашная схватка, раздались резкие хлопки отдельных pistolетных выстрелов, замелькали приклады и слышались яростные крики. Первым изо ржи показался высоченный пехотинец из штабной роты. Все еще крепко сжимая за дуло и ложе свой карабин, он пожал плечами и отрывисто бросил: «Все кончено!» Приклад его карабина был густо забрызган кровью.

Нойхофф и я бросились к ржаному полю. На вытопанной пашне лежали комиссар и четверо советских солдат. Их разmozженные головы были буквально впрессованы в свежескопанную землю ударами прикладов. Устроенная таким глупым образом засада показалась мне чистым самоубийством. Судорожно сжатые руки комиссара все еще цеплялись за землю и за вырванные с корнем стебли ржи. Наши потери оказались минимальными: у одного бойца колотая рана руки, у другого касательное ранение икроножной мышцы. Немного йода, марлевая салфетка, несколько полосок лейкопластыря, и оба уже были в состоянии снова продолжить путь вместе с батальоном.

– Такого я никак не ожидал! – потрясенно заметил Нойхофф. – Это же чистое самоубийство – впятером атаковать врукопашную целый батальон!

Однако вскоре нам на собственном опыте пришлось убедиться в том, что такие небольшие группы русских смертников представляли собой опасность, которую нельзя было недооценивать. Под командованием фанатичных советских комиссаров большинство из них наверняка не по своей воле осталось в тылу, после того как основные силы русских были обращены в бегство (были вынуждены отходить, чтобы не попасть в окружение. – *Ред.*). Теперь такие группы прятались среди стеблей высокой ржи, которая давала им отличное укрытие, и ждали лишь удобного случая, чтобы атаковать наши войска, находившиеся на марше. Мы никогда не знали, где и когда попадем под обстрел.

По мере того как поднималось солнце, становилось все жарче и жарче. Над марширующей колонной постоянно висело плотное облако мельчайшей дорожной пыли. Она покрывала буквально все: мундиры, оружие, лица и руки. В плотном облаке пыли солдаты и транспортные средства выглядели как привидения. Время от времени я смачивал губы водой из фляжки и был несказанно рад, когда прозвучал приказ на привал.

Был как раз полдень, и мы расположились на отдых в небольшой роще рядом с дорогой. Неожиданно с востока показалиcя восемь русских бомбардировщиков, которые устремились к нашей колонне. Некоторое время они кружились над нами, чтобы выбрать лучшие цели. Однако на этот раз как нельзя вовремя появились наши «Мессершмитты». Истребители Me-109 накинудись на русских, как ястребы на стаю голубей. Они атаковали со стороны солнца, пристраивались в хвост своей жертвы и открывали огонь из всех пушек. Закончив атаку, они снова набирали высоту, а затем, переведя машину в пики, опять атаковали противника. Так продолжалось до тех пор, пока русские бомбардировщики один за другим не были изрешечены

пулями и снарядами. Сначала из одной вражеской машины вырвались языки яркого пламени, затем из второй, и, как два огромных факела, они устремились к земле. Я был поражен тем, как медленно они падали. У третьего бомбардировщика отвалилось крыло, и, свалившись в штопор, он устремился вниз. Словно два маленьких белых облачка, медленно снижаясь, по небу поплыли два парашюта. После воздушного боя, продолжавшегося не более десяти минут, последний вражеский бомбардировщик был уничтожен.

На мотоцикле примчался связной: оказалось, что один из сбитых русских бомбардировщиков рухнул прямо на нашу артиллерийскую колонну⁵ и теперь там срочно ищут врача.

Вскочив на коня, я вместе с Петерманом галопом помчался в ту сторону, откуда к нам прибыл связной. Прибыв на место, я обнаружил, что пятнадцать артиллеристов уже мертвы. За живой изгородью из придорожных кустов лежало еще девять солдат с ожогами разной степени тяжести. У пятерых из них ожоги оказались такими тяжелыми, что я почти не надеялся на то, что они протянут более двух дней. Всех раненых можно было транспортировать только в лежащем положении, поэтому я отправил посыльного на мотоцикле за санитарной машиной, а сам тем временем занялся заполнением медицинских карт на раненых артиллеристов. Среди них оказался школьный учитель из Дуйсбурга, лесничий из Липперланда, находящегося в земле Северный Рейн – Вестфалия, слесарь из Эссена, шахтер из Хамборна, портной из Динслакена, кондуктор трамвая из Оснабрюка и трое студентов из Мюнстера.

В течение двух часов я работал не покладая рук, прежде чем сумел передать раненых на попечение других санитарных команд. Тем временем мы окончательно потеряли связь со своим батальоном, и никто не мог подсказать нам, где он теперь находился. Мы решили, что если будем двигаться в юго-восточном направлении, то обязательно выедем на дорогу, ведущую в Калварию, которая находилась на направлении главного удара нашей дивизии.

Надеясь существенно сократить путь, я вместе с Петерманом поскакал по проселочной дороге, ведущей на юго-восток. Однако, проскакав около километра, мы услышали шум сильного ружейно-пулеметного огня, и нам даже показалось, что пули просвистели прямо у нас над головой. Поскольку мы оба еще не имели достаточного боевого опыта, то никто из нас не мог с полной уверенностью сказать, с какого расстояния и откуда велся огонь и стреляли ли именно по нас. Но, с другой стороны, поблизости никого больше не было, кроме нас двоих. Поэтому на всякий случай мы быстренько укрылись за редкими кустами.

Впереди недалеко от того места, где мы спрятались, находился крестьянский хутор. Он представлялся нам вполне подходящим укрытием – если, конечно, не был занят русскими! К нашему величайшему облегчению, вскоре мы заметили у надворных построек немецких солдат под командованием капитана. Мы поскакали к ним, и я доложил капитану, что нас только что обстреляли со стороны ржаного поля.

– Ну что ж, вы не рассказали мне ничего нового! – спокойно заметил капитан. – Мы играем с иванами в эту игру с самого утра! Я получил задание со своей ротой прочесать эти поля и леса и зачистить их от русских стрелков. Мы уже бог знает сколько их подстрелили и около ста двадцати взяли в плен, но при этом я потерял нескольких своих лучших людей. Так что вам еще повезло, доктор!

– Дважды повезло! – в тон ему ответил я. – Сегодня утром мой батальон тоже был обстрелян русскими стрелками!

– Такое происходит повсюду в этой проклятой местности! – качая головой, поведал капитан. – При отходе эти мерзавцы сумели оборудовать множество полевых позиций на несжатых ржаных полях с большим запасом боеприпасов и теперь ждут, пока пройдут наши основные силы, чтобы потом обстреливать мелкие группы наших солдат или одиночных посыльных и

⁵ Очевидно, экипаж направил горящий самолет на вражескую колонну сознательно. Подобный подвиг экипажа Н. Гастелло 26 июня широко известен.

связных. А видели бы вы, какой расовый состав у этих иванов! Я уже брал в плен татар и калмыков. Это так странно – сражаться здесь с подобными узкоглазыми «товарищами». Неужели здесь, у границ с Восточной Пруссией, они защищают свою родину? Уже почти начинаешь верить, что находишься где-нибудь в Китае!

Капитан указал мне верный путь к автодороге на Калварию.

– Не думаю, что этот сброд, прятавшийся в полях, доставит вам еще беспокойство! Я со своими бойцами хорошо зачистил этот район! – заметил он на прощание.

Однако на этот раз мы постоянно были начеку. Неожиданно я заметил, что неприятное чувство страха и неуверенности бесследно исчезло. Меня вдруг осенило, что не каждая пуля находит свою цель.

Мы поскакали галопом по несжатым полям к основной автостраде. По ней широким нескончаемым потоком двигались на восток солдаты, разнообразные транспортные средства и тяжелое вооружение. Среди этого скопления людей и машин мы заметили знакомое подразделение из обоза нашего батальона. Все более многочисленные группы русских пленных понуро брели мимо наших войск в противоположном направлении, направляясь в наш тыл. Вскоре я встретил командира нашей 10-й роты, высоченного, всеми обожаемого обер-лейтенанта Штольце. Он был в отличном расположении духа, так как только что успешно выполнил полученное задание – прорваться напрямик через поля, в которых было полно засевших русских стрелков, к главной автодороге и там присоединиться к остальным подразделениям батальона.

– Эй, доктор! – крикнул он. – Для вас есть работа! Видите вон тот хутор?

Его лошадь стремительно подскочила к моему Плути, и Штольце показал своей громадной ручищей на группу стоящих в поле строений, находившихся примерно в восьмистах метрах от дороги.

– Там лежат несколько раненых!

– Из вашей роты?

– Нет, слава богу! Но им нужен врач! До сих пор с ними находился только санитар-носильщик!

– Хорошо, Штольце! Я еду туда!

– Послушайте, Хаапе! Возьмите-ка лучше с собой несколько моих парней для защиты!

Но только верните мне их в целостности и сохранности назад!

Он подозвал к себе унтер-офицера и солдата и, еще раз помахав мне рукой, поскакал вдоль дороги к голове своей роты, чтобы вместе с ней присоединиться к батальону.

Я уже несколько часов ничего не слышал ни о своих санитарях, ни о приданной нашей команде санитарной машине, поэтому я остановил одну из пустых санитарных машин, которые по распоряжению оберштабсарцта Шульца постоянно курсировали между походной колонной и санитарной ротой. Марширующие солдаты охотно отступали на обочину дороги, чтобы пропустить их, когда санитарные машины сигналили, прокладывая себе путь по пыльной дороге к голове колонны. Я приказал водителю санитарной машины ехать к указанному хутору и вместе с Петерманом поскакал вслед за машиной. Когда мы галопом влетали во двор хутора, позади нас в землю ударили несколько пуль, взметнув при этом маленькие фонтанчики пыли. В просторной гостиной крестьянской усадьбы на полу лежали пятеро солдат, двое из них были уже мертвы, их тела были еще теплыми.

Санитар-носильщик, спокойный, пожилой солдат, доложил:

– Это просто ужасно, герр ассистенцарцт! Впервые в жизни я пришел в отчаяние! Теоретически я до мельчайших подробностей знаю, как оказать первую медицинскую помощь, но сейчас настоящие раны совершенно выбили меня из колеи, и из моей головы вылетела вся заученная теория! – Он испуганно посмотрел на меня. – Надеюсь, что эти два камрада умерли не по моей вине. Ведь я действительно делал все, что в моих силах!

Я быстро осмотрел раненых.

– Напротив, вы очень хорошо выполнили свою работу, даже если и утверждаете, что позабыли всю теорию. А обоим умершим, к сожалению, уже не смог бы помочь ни один врач!

В первую очередь я занялся солдатом с тяжелым ранением в брюшную полость. Пуля вошла ниже области желудка, прошла навывлет и вышла немного левее позвоночника. Искривленное болью лицо солдата было мертвенно-бледным, на лбу выступили крупные капли пота.

– У вас обычное сквозное ранение! – объяснил я раненому во время осмотра. – Все выглядит так, словно задел только кишечник. Вас нужно как можно быстрее прооперировать, так как единственную опасность для вас представляет внутреннее кровотечение! Но поскольку вы были ранены около двух часов тому назад и до сих пор живы, думаю, что на этот раз вы наверняка выживете.

Я ободряюще улыбнулся ему:

– Во дворе стоит санитарная машина! Она доставит вас в санитарную роту, где вас тотчас прооперируют. Не беспокойтесь! Вы уже на полпути домой!

Несмотря на сильные боли, на лице раненого промелькнула слабая улыбка. Я наложил на входное и выходное пулевые отверстия пластырь, прикрыл их ватными тампонами и с помощью ножниц удалил пропитанные кровью обрывки мундира. Санитар-носильщик помог мне подтянуть колени раненого к подбородку и подвязать их в этом положении, чтобы таким образом расслабить мышцы живота. Я сделал ему обезболивающий укол и ввел противостолбнячную сыворотку, распорядился укутать его в теплое одеяло и немедленно отнести в санитарную машину. Уже в машине я заполнил медицинскую карточку раненого и повесил ее ему на шею.

Затем я занялся вторым раненым с ранением в голову. Он был без сознания, кровотечение уже прекратилось. Я распорядился сменить повязку и еще раз перевязать его, а затем осторожно перенести в санитарную машину.

У третьего солдата было сквозное ранение бедра. Резиновый жгут для остановки кровотечения был наложен очень хорошо, выше раны, тем самым санитар-носильщик спас жизнь этому раненому, так как в противном случае тот мог умереть от потери крови. Но резиновый жгут находился на этом месте уже слишком долго: нога совсем онемела. Я достал из своей медицинской сумки специальную клемму для зажима кровеносных сосудов и велел санитару-носильщику снять с бедра резиновый жгут. Из раны ударил фонтанчик ярко-красной крови. Значит, пуля задела артерию, к счастью не главную, в противном случае у нас было бы мало шансов спасти ногу.

Я прижал к кровоточащему месту марлевый тампон, одним точным надрезом ножниц раскрыл рану сверху и убрал тампон. Затем мне удалось быстро наложить зажим на поврежденную артерию, и кровотечение тотчас прекратилось. Через неповрежденные артерии и кровеносные сосуды кровь снова начала поступать в онемевшую за два часа и почти безжизненную ногу. Пациент вопросительно посмотрел на меня.

– Теперь мы должны немного подождать и посмотреть, не были ли задеты и вены и не начнется ли сильное венозное кровотечение, а также достаточно ли хорошо функционирует новое кровообращение, чтобы вернуть вашу ногу к жизни! Все выглядит не так уж и плохо! – заверил я его.

– Герр ассистенцарцт! – послышался голос санитар-носильщика. – Хозяйка сварила нам целый кофейник крепкого кофе!

Я с благодарностью принял горячий ароматный кофе от пожилой женщины, которую сначала даже не заметил. Я взглянул на часы, уже было 15:15. Война с Россией продолжалась уже чуть более двенадцати часов, и в течение последних восемнадцати часов у меня не было во рту ни крошки и я не пил ничего, кроме воды. Есть мне и сейчас совсем не хотелось, лишь сильно мучила жажда.

Старушка подала мне большую чашку кофе и на хорошем немецком языке сказала:

– Я так рада, что наш дом не сгорел! Моя мать была прибалтийской немкой, а я сама в юности два года жила в Берлине. Это были счастливые годы – добрые старые времена!

– Тогда за то, чтобы добрые времена вернулись! – подняв свою чашку, произнес я и еще раз до краев наполнил ее ароматным кофе.

Мы услышали, как в задней комнате зазвенели оконные стекла. Когда я вбежал туда, увидел, что пуля, разбившая оконное стекло, попала в стену.

– И вот так уже целый день! – пожаловалась крестьянка. – Там, на той стороне, в лесу еще полно русских!

Я выбежал наружу и обратился к обоим бойцам из роты Штольце:

– Мне кажется, вы спали, когда занимались зачисткой этой местности!

– Вместе с обер-лейтенантом Штольце мы продвинулись до самой опушки леса, и, когда уходили после зачистки, там не осталось в живых даже ни одной мыши! – спокойно ответил унтер-офицер.

– Откуда же тогда выстрелы?

– Возможно, наш обер-лейтенант посчитал, что надо оставить пару русских и для обозников, а то бедным парням не о чем будет писать домой!

– Ваша фамилия?

– Шмидт, герр ассистенцарцт!

– Ваша гражданская профессия?

Он молодежато щелкнул каблуками и четко доложил:

– Адвокат, герр ассистенцарцт!

– Это меня не удивляет! Большой говорун, не так ли? Как бы там ни было, во всяком случае, теперь вы находитесь в моем подчинении! И я надеюсь, что вы будете неукоснительно выполнять все мои приказы! Понятно?

– Так точно, герр ассистенцарцт!

– А теперь заставьте тех русских в лесу замолчать!

– Слушаюсь!

Унтер-офицер проворно занял позицию со своим ручным пулеметом. Однако, прежде чем он успел открыть огонь, над нашими головами просвистела еще одна пуля. На этот раз она попала в правый верхний угол красного креста на нашей санитарной машине. Я приказал водителю отогнать ее в более надежное место за домом, а сам поспешил назад в комнату к своей «ноге».

Тем временем она уже заметно порозовела, и, когда я ущипнул раненого за икру, а потом за большой палец ноги, он почувствовал это. Но, к сожалению, началось и довольно сильное венозное кровотечение. Теперь уже нельзя было терять ни минуты. Зажим на артерии был установлен надежно, поэтому я оставил его в ране. Из-за венозного кровотечения пришлось наложить давящую повязку, кроме того я сделал раненому противостолбнячный укол. Прежде чем я распорядился отнести раненого на носилках в санитарную машину, я успокоил его, сказав, что его нога скоро снова будет в полном порядке.

– Спасибо, герр ассистенцарцт! – ответил он со слезами на глазах. – И вам спасибо, святой отец, за то, что молились вместе со мной!

Санитар-носильщик поймал мой недоуменный взгляд и, запинаясь, пояснил:

– Видите ли, герр ассистенцарцт, я по своей гражданской профессии священник... Оказавшись тут на долгое время одни и без охраны, мы очень испугались, ведь по ту сторону пастбища, в лесу засели русские... Но я верил, что Господь не оставит нас в беде и поможет нам... И тогда я начал молиться... Я думаю, что молитва позволила успокоиться мне и остальным и укрепила наш дух...

Он замолчал. Я был тронут его словами и, немного помолчав, сказал:

– Вам незачем извиняться! Вы поступили правильно!

На медицинской карточке, висевшей на шее солдата, раненного в живот, я написал красным карандашом «*Немедленно оперировать!!!*» с тремя восклицательными знаками и приказал водителю санитарной машины:

– А теперь вперед! Гоните как можно быстрее в санитарную роту!! И доложите там, что здесь лежат еще двое мертвых, которых надо похоронить!

Взревел мотор, и санитарная машина рванулась с места, но как только она выехала из-за надежного укрытия, которое ей давал просторный крестьянский дом, то тут же попала под град русских пуль. Меня охватил приступ такой бессильной ярости, какую я редко испытывал в своей жизни. Ведь красный крест на белом фоне был даже издали хорошо виден в ярких лучах полуденного солнца. Противоречащий нормам международного права огневой налет на санитарную машину означал бы для солдата с ранением в живот неминуемую смерть, если бы хоть одна пуля попала в мотор или если бы машина остановилась по какой-нибудь другой причине.⁶

В этот момент затрещал немецкий ручной пулемет, установленный перед домом. Русские сразу же прекратили обстрел. Видимо, наш юрист засек русских снайперов, засевших в лесу, и послал им несколько метких очередей.

– Кажется, это единственный язык, который они понимают! – возмущенно крикнул я. – Очевидно, русские только и ждали того момента, когда смогут обстрелять нашу санитарную машину с ранеными! Видимо, эти подлецы никогда не слышали о Женевской конвенции!

– Это верно! – подтвердил санитар-носильщик. – Там, в лощине, с другой стороны дома лежат еще несколько тел погибших. Русские зверски расправились с немецким врачом и несколькими ранеными, которых он как раз собирался перевязать!

– Какая подлость! Вы уверены в том, что все они действительно мертвы?

– Я полагаю, да, герр ассистенцарцт! Мне сообщили об этом наши пехотинцы, проходившие позднее мимо того места.

– Мы должны сами убедиться в этом. Пойдемте со мной, святой отец! А вы, юрист, обеспечьте нам огневую поддержку! Сначала мы сбегает в ту лощину.

– Слушаюсь, герр ассистенцарцт! – ответил говорливый унтер-офицер.

Лощина, о которой говорил санитар-носильщик, находилась метрах в ста от хутора. Мы со всех ног бросились к окопу, вырытому перед лощиной, и спрыгнули в него. Взметая фонтанчики песка и земли, слева и справа от нас в бруствер окопа вонзилось множество вражеских пуль. Тогда со стороны хутора снова открыл огонь наш пулемет. Под прикрытием пулеметного огня мы в несколько прыжков преодолели последние двадцать метров и скатились в лощину.

Здесь мы обнаружили шестерых мертвых немецких солдат. Мертвый санитар лежал на спине, широко раскинув руки. Рядом с ним, уткнувшись лицом в землю, лежал врач. На рукаве его мундира виднелась белая повязка с красным крестом, рядом с ним на земле валялся белый флаг с огромным красным крестом. Вокруг него было рассыпано содержимое его медицинской сумки.

Словно боясь, что его услышат русские, священник взволнованно прошептал:

– В пятидесяти метрах отсюда – видите, вон там, за кустами дрока – залегли русские. Санитар перетащил всех раненых в лощину, и доктор уже собирался их перевязать, но в этот момент русские открыли по ним огонь. Я видел все из окна крестьянского дома, в котором вы были, но ничего не мог сделать. Врач поднялся во весь рост и начал размахивать флагом с красным крестом, но они хладнокровно застрелили его. Он упал, но они продолжали стрелять и бросать гранаты, пока в лощине не прекратилось всякое движение. Это было просто ужасно... убийство... хладнокровное убийство!..

Его голос прервался, а на глаза навернулись слезы.

⁶ Напавший без объявления войны, нарушивший все договоры агрессор требует соблюдения международных прав.

Мы подползли поближе к погибшему врачу. Я осторожно перевернул его на спину. Прядь его светлых волос упала набок, открыв все лицо, и... о ужас! Я смотрел в потухшие глаза... Фрица!

Я молча смотрел на своего старого друга. Мне вдруг показалось, что если я очень постараюсь, то смогу заставить его плотно сжатые губы снова раскрыться и заговорить со мной. Всего лишь каких-то двенадцать часов идет война, мы прошли только несколько километров по России, а я уже потерял одного из своих лучших друзей. Это было уже слишком – слишком много трагических событий для первого дня войны против нового противника, к коварным методам ведения войны которого нам только еще предстояло привыкнуть.

Святой отец опустился на колени рядом со мной и терпеливо ждал, что же я теперь буду делать. Не говоря ни слова и не осознавая до конца, что я делаю, я взвалил тело Фрица на плечо и, тяжело ступая, начал медленно выбираться из ложины по склону вверх. Священник тотчас последовал за мной. Я бережно опустил тело погибшего товарища на траву в саду за крестьянской усадьбой и расстегнул ворот мундира и нательную рубашку. И мундир и рубашка были пропитаны кровью Фрица и во многих местах разорваны пулями, выпущенными с близкого расстояния. Я отломил нижнюю половинку личного опознавательного знака (идентификационного жетона), висевшего на цепочке на шее Фрица, вынул из карманов офицерскую книжку, фотографии, спички и портсигар, завернул все в носовой платок и передал сверток Петерману.

– Мы перешлем все это его родным! – осевшим и поэтому каким-то чужим голосом произнес я, когда мы снова вошли в дом.

В углу кухни была составлена целая пирамида из оружия, которое оставили побывавшие здесь раненые. Я взял себе автомат с полным магазином и еще два запасных рожка, затем, немного подумав, прихватил и две гранаты. Петерману я вручил карабин, а наш кроткий священник, не дожидаясь особого приглашения, тоже взял карабин и повесил его себе на плечо.

– Давайте-ка позаботимся о том, чтобы русские не высовывали носа из своих нор в лесу, пока мы не выберемся отсюда! – сказал я. – И давайте прижучим их так, чтобы они нас надолго запомнили!

На губах юриста появилась ироничная улыбка, и я заметил, как он посмотрел на мою нарукавную повязку с красным крестом, забрызганную кровью Фрица.

– Вы правы! – ответил я на его не высказанный вслух вопрос, медленно стянул повязку с рукава мундира и сунул ее в карман. – Красный крест не сочетается с огнестрельным оружием! Для коммунистов он все равно ничего не значит! В Советской России правила Женевской конвенции не действуют. И я заявляю вам, юрист, что с этой минуты я такой же солдат, как и все вы!

Мы ползком подобрались к передней стороне крестьянского дома и направили наши стволы на то место в лесу, откуда русские стреляли чаще всего. Все посмотрели на унтер-офицера Шмидта. «Огонь!» – скомандовал он, и его пулемет, мой автомат и два карабина одновременно открыли ураганный огонь по деревьям.

– Этого вполне достаточно, чтобы эти подонки на какое-то время попритихли в своих норах! – решил Шмидт, и мы поспешили убратся отсюда по песчаной проселочной дороге, используя лошадей как прикрытие от пуль русских стрелков, если те вдруг осмелятся стрелять нам вслед. А вскоре мы уже снова вышли к автодороге на Калварию, по которой колонны немецких солдат бесконечным потоком тянулись на восток.

Глава 2

Медицинская помощь раненым оказывается недостаточной

Наши войска быстро продвигались вперед. После первых упорных боев за приграничные укрепления мы больше не наталкивались на организованное сопротивление русских. Большая часть воинских соединений противника, находившихся непосредственно у западной границы Советского Союза, была разгромлена нашими войсками атакой с ходу. Как нам пришлось убедиться на собственном опыте, хотя остатки этих советских подразделений и могли представлять опасность для наших небольших отрядов, для германского вермахта они уже больше не являлись противником, которого следовало воспринимать всерьез.

Целый день я по горло был занят тем, что оказывал медицинскую помощь рассеянным на обширной территории раненым, пострадавшим от нападений таких мелких вражеских групп. До поздней ночи я неустанно перемещался от одного пункта сбора раненых к другому. Большинству раненых уже была оказана первая медицинская помощь санитарями-носильщиками, мне же самому приходилось заниматься только наиболее тяжелыми случаями. Организованная таким образом работа спорилась, принося удовлетворение от исполненного надлежащим образом долга.

Солнце уже давно неспешно клонилось к западу. Оно отбрасывало длинные тени на солдат, марширующих по автодороге на Калварию, правда, темнело довольно медленно. И только после 22 часов стало уже настолько темно, что пришлось включить дополнительное освещение, чтобы оказать медицинскую помощь раненым. С наступлением ночи подул легкий прохладный ветерок. Когда я покидал последний перевязочный пункт и размышлял о том, как мне поскорее нагнать свой батальон до остановки на ночлег, ко мне на взмыленном коне подскакал ассистенцарцт Кнуст из 2-го батальона и попросил помочь ему. По его словам, на перевязочном пункте у проселочной дороги, ведущей к Мемелю (так немцы называли реку Неман), у него оставалось четырнадцать еще даже не осмотренных раненых.

Нам очень повезло, что мы сумели раздобыть санитарную машину, поэтому мы передали Петерману своих лошадей с наказом дожидаться нашего возвращения на следующем перекрестке. После получаса быстрой езды мы добрались наконец до раненых. Они получили лишь самую необходимую первую помощь от санитаров-носильщиков, уже много часов ожидали врача и теперь находились в довольно плачевном состоянии. В скудном свете наших карманных фонариков мы увидели множество искаженных от боли лиц, из-за большой потери крови некоторые из раненых уже испытывали сильный озноб. Однако эта покинутая всеми группа раненых все еще не утратила присутствия духа. На случай вполне вероятного ночного нападения врага они приготовили гранаты. Четверо солдат, имевших менее тяжелые ранения, уже успели установить пулеметы.

Мы распределили среди раненых шерстяные одеяла, обнаруженные в нашей санитарной машине, а саму машину поставили так, чтобы можно было работать в свете ее фар. Санитар-носильщик, оставшийся с этой группой раненых, показал нам тяжелораненых. Шестерых из них мы распорядились тотчас перенести в санитарную машину. Затем мы занялись остальными и установили палатку, которая позволяла в некоторой степени оградить раненых от ночной прохлады. Все оставшиеся здесь раненые не расставались со своими карабинами.

– Другая санитарная машина заберет вас не позже чем к утру! – заверили мы санитар-носильщика. – До свидания и всего хорошего!

Мы с Кнустом сели в кабину рядом с водителем. Мой автомат лежал у меня на коленях, а в карманах брюк я ощущал приятную тяжесть гранат. На рукаве мундира Кнуст все еще

носил повязку с красным крестом. Как только санитарная машина тронулась с места и медленно поползла по скудно освещенной фарами проселочной дороге, он сразу же уснул.

Я тоже хотел бы уснуть. Уставшему за день телу срочно требовался отдых, однако мозг был еще слишком бодрым. Перед моим мысленным взором стремительно проносились тысячи картин событий сегодняшнего дня – событий, которые я должен был сначала осмыслить. Ведь тот небольшой участок фронта, на котором я был задействован за прошедшие двадцать часов, был по своей сути ничто по сравнению с огромным фронтом от Финляндии до Украины,⁷ на котором в данный момент немецкие солдаты стремительно наступали на восток. На скольких полях и в скольких лесах и окопах, возможно, именно в данный момент лежали раненые солдаты и ждали помощи, которая не придет или придет, но уже слишком поздно? Наверняка вермахт мог бы лучше подготовиться и принять соответствующие меры предосторожности, думал я, чтобы справиться с ужасной неразберихой, результатом слишком стремительного продвижения наших войск вперед. Командование нашими войсками первого эшелона и организация снабжения, как мне казалось, были безупречны во всех отношениях. Но остававшимся далеко позади линии фронта раненым почему-то не уделялось должного внимания. Конечно, было бы лучше, если бы наши боевые части продвигались вперед медленнее, и тем самым у санитарных частей было бы больше времени для обнаружения на поле боя раненых и оказания им необходимой медицинской помощи, а также для погребения павших. Такие мысли обуревали меня, пока наш санитарный автомобиль не доехал до того перекрестка, где верный Петерман ожидал нас с лошадьми.

Когда мы в кромешной тьме скакали вперед, торопясь нагнать свой батальон, нас обогнал вездеход командира полка. Полковник Беккер сидел впереди рядом со своим водителем, его адъютант фон Калькройт находился сзади. Я был полон решимости немедленно поставить Беккера в известность о том, что я думаю о неразберихе, царившей за линией фронта, и о связанных с этим трудностях при оказании медицинской помощи раненым. И я был уверен, что полковник будет лишь благодарен мне за эту информацию. Его первой заботой всегда было благополучие доверенных ему солдат, кроме того, еще по Нормандии я знал, что он ценит меня. С тех пор как он заметил, что я имел обыкновение подписывать свои донесения вместо полной фамилии Хаапе кратким обозначением Хп, он дал мне прозвище Хальтепункт (от немецкого слова Haltepunkt (Н. Р.) – остановочный пункт (о. п.). – *Пер.*). И на этот раз я был искренне рад, когда он остановил машину и с улыбкой обратился ко мне:

– Привет, Хальтепункт! Как дела?

Обычно в таких случаях доклад командиру заключался в стереотипной фразе: «Без особых происшествий!» Однако на этот раз у меня было что сказать командиру. Спешившись, я стал по стойке «смирно» и, отдав честь, ответил со всей прямоотой:

– Во многих отношениях положение неудовлетворительное, герр полковник! Часто мне не сообщают, где находятся раненые и сколько их там, на сборных пунктах! Офицеры и солдаты боевых частей почти не проявляют интереса к задачам, стоящим перед санитарными подразделениями, и мало помогают нам или вовсе не оказывают никакой помощи!

Беккер нахмурился и сурово посмотрел на меня, но я уже вошел в раж:

– Раненые рассеяны на обширной территории! Из-за плохого взаимодействия с фронтовыми частями во многих случаях они не получают никакой медицинской помощи или получают ее в недостаточной мере, герр полковник!

Бросив быстрый взгляд на мой автомат и на рукав моего мундира без повязки, он рявкнул:

⁷ Фронт протянулся от Баренцева моря до Черного моря, но на границе с Финляндией (от Баренцева моря до Финского залива Балтики) активные боевые действия начались только в конце июня. 22 июня ожесточенные бои начались на советской границе от Балтики у Мемеля (Клайпеды) до Карпат (верховья Сана южнее Перемышля). И уже позже, со 2 июля, развернули наступление с плацдармов на реке Прут румыны и поддерживавшие их немцы.

– Где ваша повязка с красным крестом?

– Я ее снял, герр полковник!

– Вы получили на это распоряжение вышестоящей инстанции?

– Никак нет, герр полковник!

– Немедленно доложите начальнику медико-санитарной службы дивизии, что самовольно сняли свою повязку!

Полковник откашлялся и продолжил уже не так грозно:

– В дальнейшем будьте любезны воздерживаться от критики боевых частей и сосредоточьтесь на выполнении своих прямых обязанностей! Ваша задача – оказание медицинской помощи раненым! Действия боевых частей вас не касаются! Пожалуйста, запомните это хорошенько!

Полковник хриплым голосом отдал приказ своему водителю, и вездеход тотчас сорвался с места и вскоре скрылся в темноте.

Словно побитая собака, я сидел на своем Плуте, рассерженный и униженный одновременно. Мой постоянно растущий список фронтовых премудростей пополнился еще одним правилом: «Никогда не жди помощи со стороны боевых частей!» Если они и оказывают помощь санитарным подразделениям, как это сделал Штольце, предоставив в мое распоряжение двух своих бойцов, то это следует рассматривать как счастливую случайность, и ничего больше. Как, видимо, и многие другие военные врачи, я решил в будущем полагаться только на самого себя и никогда больше не рассчитывать на чужую помощь. Это был хороший урок, который я получил вовремя. И я должен быть благодарен полковнику за это.

Справа, несколько в стороне от дороги, рядом с крестьянским домом стоял санитарный автомобиль. Я вошел в дом, чтобы посмотреть, не нужна ли моя помощь. Однако там уже находился врач из 1-го батальона, сумевший взять ситуацию под контроль.

Поскольку дорога становилась все более пустынной, мы теперь могли спокойно скакать по самой дороге, преодолевая значительные участки пути. Солдаты устраивались на ночлег в близлежащих домах и строениях, чтобы поспать хотя бы несколько часов. Рядом с дорогой я заметил большой сарай, из ворот которого сочился свет, а вокруг стояла толпа солдат. Вездеход полковника Беккера тоже был здесь. Вид полевой кухни заставил меня повернуть свою лошадь и поспешить к сараю, а почувствовав аппетитный запах супа, я осознал, насколько же был голоден.

– Ну, Хальтепункт! – радушно приветствовал меня Беккер. – Вы сегодня что-нибудь ели? – Казалось, что он уже совершенно забыл о суровом разное, устроенном мне совсем недавно.

– Нет, герр полковник! – ответил я. Моя обида на старого вояку улетучилась в мгновение ока.

– У нас сегодня на ужин отличный гороховый суп с говядиной. Почти как дома! Присоединяйтесь к нам и отведайте!

Густой наваристый суп из огромного котла действительно оказался необыкновенно вкусным, и когда я энергично работал ложкой, то невольно вспомнил о том, что слышал о старом полковнике. Он ел всегда то же самое, что и его солдаты, причем никогда не приступал к еде, не убедившись в том, что все его бойцы накормлены.

– Запомните хорошенько, Хальтепункт: ешь больше – проживешь дольше, хорошая кормежка помогает душе крепче держаться в теле! Никогда не проходите мимо полевой кухни!

Дождавшись, пока я опустошил свою тарелку, он возбужденно продолжил:

– Знаете, насколько за сегодняшней день продвинулось вперед разведывательное подразделение нашей дивизии? До самого Мемеля!⁸ Мы дошли до Мемеля, Хальтепункт! Это озна-

⁸ Здесь речь идет не о городе Мемель (Клайпеда), а о реке Неман (Нямунас).

чает, что в первый день войны мы проникли на вражескую территорию на глубину семьдесят километров. Поверьте мне, Хальтепункт, это выдающееся достижение!

Все солдаты были накормлены, и водитель Беккера принес своему полковнику тарелку супа и большую горбушку ржаного хлеба. Беккер отломил от нее кусок и протянул мне. Во время еды он продолжал говорить:

– Вы думаете только о раненых, которые находятся на сборных пунктах, разбросанных на большой территории, ведь это ваши слова, не так ли? – Он подмигнул мне из-под своих кустистых бровей. – А вот я придерживаюсь мнения, что боевые действия гораздо важнее, так как они решают судьбу всех нас! Возможно, в настоящее время мы контролируем ситуацию в тылу не так хорошо, как нам хотелось бы, но для русских положение складывается просто катастрофически! Да, Хальтепункт, говорю вам, просто катастрофически! – Откусив кусочек хлеба, он погрозил мне пальцем. – Сегодняшние бои значительно подорвали боевой дух противника и его способность сражаться. Вот увидите, завтра или послезавтра все будет выглядеть уже по-другому! Тогда мы будем неотступно следовать за ними по пятам, не отставая ни на шаг! – Полковник вытер рот носовым платком и добавил: – Да, Хальтепункт, на войне чувства и переживания одного отдельно взятого человека должны отступать на задний план. Это общеизвестное правило, которое вам, юным спринтерам, еще только предстоит усвоить!

Допив тем временем вторую чашку кофе, я поблагодарил командира за ужин, отдал честь и, вскочив на своего коня, вместе с Петерманом продолжил путь. Было уже 2:30 ночи, когда мы добрались до командного пункта нашего батальона.

– Ну вот наконец-то и вы! – обрадованно воскликнул майор Нойхофф. – Я бы уже больше не выдержал! Последние четыре часа за мной повсюду неотступно следует унтер-офицер Майер с одним из своих бойцов, который слишком широко раскрыл рот во время атаки, а теперь никак не может его закрыть. Ради бога, доктор, сделайте хоть что-нибудь!

Ко мне привели солдата с неестественно широко раскрытым ртом. Хиллеманнс и Ламмердинг, батальонный офицер-ординарец, тоже зашли в комнату, чтобы посмотреть, что же я буду делать. Я был в полной растерянности, так как никогда прежде мне не приходилось сталкиваться с подобным случаем.

Осмотр показал, что нижняя челюсть солдата действительно выскочила из суставной впадины. Его рот представлял собой огромное, зияющее отверстие на искаженном болью лице. Влажный, дрожащий язык беспрестанно двигался во рту в безуспешной попытке произнести хоть слово, чтобы что-то объяснить мне.

Призвав на помощь основы анатомии, я попытался вспомнить, что нужно делать в таком случае, и пришел к выводу, что растянутые мышцы нижней челюсти следовало дернуть вперед и вниз, чтобы сустав вернулся в правильное положение. Так, как челюсть выскочила, так же, собственно говоря, она и должна была вернуться в исходное положение. Мне казалось, что теоретически я знал, что должно произойти, но вот получится ли все задуманное на практике... оставалось только рискнуть и попробовать.

– Зачем это? – спросил Нойхофф, когда я взял два носовых платка и обмотал их вокруг больших пальцев обеих своих рук.

– Безопасность прежде всего! Я бы не хотел, чтобы мои большие пальцы оказались зажаты между его зубами, когда челюсть вернется в исходное положение!

Я приказал унтер-офицеру встать за спиной сидящего на стуле солдата и крепко прижать его голову к своему животу. Тот исполнил приказание и зажал голову как в тисках. Пациент недоверчиво смотрел на меня.

– Готов?

Унтер-офицер кивнул. Глаза несчастного солдата выражали все большее недоверие. Обими руками я ухватился за его нижнюю челюсть и изо всех сил надавил на нее, стараясь сдвинуть назад, чтобы как можно ближе подвести ее к суставной впадине. Сделав глубокий вдох, я

резко дернул нижнюю челюсть вперед и вниз. Суставные отростки нижней челюсти встали на место в суставных впадинах. Пациент осторожно попробовал два-три раза открыть и закрыть рот. У него все получилось. Дело оказалось проще, чем я ожидал.

– Хорошо! – удовлетворенно кивнул я. – Только впредь будьте осторожнее и больше не раскрывайте рот так широко! Солдаты должны держать язык за зубами! Вы же это сами знаете, не так ли?

– Так точно, герр ассистенцарцт! – попробовал бодро отрапортовать солдат.

– Как у вас дела, подбородок вернулся на свое место? – поинтересовался Нойхофф.

Я встал по стойке «смирно» и отчеканил:

– Без особых происшествий, герр майор.

В конце концов, я неплохо разобрался в своем деле.

Большая часть бойцов нашего батальона устроилась на ночлег на опушке леса. Многие из них уже спали. Мы подошли к ним как раз в тот момент, когда на нашей санитарной машине подъехали Вегенер и Дехорн. На часах было 3 часа ночи – оба санитары уже 24 часа были на ногах, добросовестно исполняя свой долг. Я пополнил содержимое своей медицинской сумки и вместе с Нойхоффом, Хиллеманнсом и Ламмердингом забрался в палатку, разбитую для штаба батальона. Уже через несколько секунд мы все провалились в глубокий сон без сновидений, которому суждено было продолжаться всего лишь каких-то полтора часа.

Глава 3

Приказ есть приказ

Вскоре после 4:30 мы уже снова двигались по широкой песчаной дороге, ведущей к Мемелю (Неману). Непродолжительный сон скорее навредил, чем принес пользу. Все бойцы были вымотаны и устали как собаки. Оказалось, совсем нелегко разбудить их. Наши ноги распухли, суставы затекли, мышцы одеревенели, и каждое движение причиняло мучительную боль. Лишь с большим трудом удалось снова натянуть наши сапоги с короткими голенищами. Уже перед самым выходом поступила радиограмма с приказом Верховного главнокомандования германских вооруженных сил. Приказ был подписан самим Гитлером, и, когда взошло солнце, текст этого приказа стал темой для всеобщего обсуждения.

Он гласил: «Все русские комиссары-коммунисты при взятии в плен должны быть расстреляны на месте!»

В качестве обоснования таких жестких мер указывалось, что во время первого дня боя многие попавшие в плен немецкие солдаты были убиты по приказу именно красных комиссаров выстрелом в затылок. Далее говорилось, что русские на поле боя неоднократно убивали немецких санитаров-носильщиков и другой медперсонал, а также и беспомощных раненых. Отмечалось, что имелись неопровержимые доказательства ответственности за эти деяния большевистских комиссаров.⁹

Нойхофф сообщил нам эту новость, сохраняя серьезное выражение лица. Когда мы снова двинулись в путь, Кагенек, Штольце и я принялись обсуждать этот приказ.

– К черту такие расстрелы небоеспособных, беззащитных людей, даже если они и преступники! – заявил Кагенек. – В любом случае подобный приказ является ошибкой. Это не удастся сохранить в тайне; а что будет, когда русские узнают о нем? Комиссары будут сражаться до конца, поскольку будут знать, что в любом случае не смогут спасти свою шкуру! И подумайте, как это может быть использовано Советами в целях пропаганды!

– Я решительно против всякого обобщения! Каждый человек имеет право, чтобы к нему относились как к личности, и при необходимости у него должна быть возможность предстать перед судом! – заметил я. – А что дума ете по этому поводу вы, Штольце?

Штольце нахмурился, видимо обдумывая ответ.

– Я никогда не прикажу хладнокровно расстрелять кого-либо, все равно, кем бы он ни был! Впрочем, я не знаю, в чем заключается разница между комиссаром и обычным командиром Красной армии, да и не хочу этого знать! Но, пожалуйста, господа офицеры, это должно остаться между нами!

Штольце мог не беспокоиться о том, что мы передадим его мнение вышестоящим инстанциям. Кроме того, такого же мнения придерживались почти все офицеры нашего батальона, и, как и в большинстве других подразделений германской армии, сражавшейся на Восточном фронте, у нас не был расстрелян ни один пленный комиссар согласно пресловутому «приказу о комиссарах». И без того наши солдаты находили многих из них уже мертвыми. Эти комиссары или погибли в бою, или, пытаясь избежать плена, покончили жизнь самоубийством, или же были застрелены своими же подчиненными. Тех немногих, которых мы брали в плен живыми, мы отсылали вместе с остальными пленными солдатами Красной армии в тыл, и вскоре они уже ничем не выделялись из общего постоянно разраставшегося потока пленных.

Однако нам на собственном горьком опыте еще только предстояло узнать о том, какую большую и недобрую власть имели эти красные комиссары в частях Красной армии. Повсюду,

⁹ Приказ о комиссарах был издан 6 июня, 1941 г., за две недели до начала войны.

где мы наталкивались на особо жестокие зверства, за ними, как правило, стоял какой-нибудь комиссар. Поэтому над вражескими позициями с наших самолетов сбрасывались иллюстрированные листовки, в которых русских солдат призывали убивать своих комиссаров и сдаваться в плен. И действительно, мы все чаще сталкивались с тем, что при каждом удобном случае русские убивали своих обычно ненавидимых лютой ненавистью комиссаров.

Мост через реку Мемель (Неман) попал в наши руки в целостности и сохранности. За это мы должны были благодарить наших саперов. Под прикрытием утреннего речного тумана они переправились через реку на резиновых лодках и предотвратили попытку противника взорвать мост. Затем кавалерийский эскадрон под командованием барона фон Бёзелагера, также входившего в состав нашей дивизии, галопом пронесся по мосту и захватил плацдарм на другом берегу реки. Передовой отряд из 2-го батальона Хёке тем временем уже тоже подошел к Мемелю (Неману), а наша артиллерия в это время вела интенсивную перестрелку с русскими батареями на другом берегу реки.

Мы посмотрели на карту местности. В этом месте Мемель (Неман) делал большую петлю, оглябая раскинувшийся перед нами лес.

– Совсем неплохо! – с удовлетворением отметил Нойхофф. – Через три часа мы должны быть там!

Однако поступивший из штаба дивизии приказ не позволил сбываться этой надежде. Он гласил: «3-й батальон 18-го пехотного полка проводит зачистку лесистой местности южнее дороги на Мемель (Неман) от скрывающихся там красноармейцев!»

Вскоре мы выяснили и причину этого приказа: на дороге Калвария – р. Мемель (Неман) русскими из засады были убиты двое связных-мотоциклистов, а позднее там же было совершено нападение на немецкую санитарную машину.

Вдоль походной колонны были переданы соответствующие команды, и на несколько минут батальон остановился. Чертыхаясь, бойцы 10-й роты Штольце и 11-й роты Крамера заняли позицию южнее дороги на участке протяженностью около шести километров. Выстроившись в цепь с интервалом между отдельными бойцами около двадцати метров, солдаты двинулись вперед по косогору и покрытой густыми зарослями долине, чтобы обнаружить и обезвредить каждого красноармейца, который прятался там. А 9-я рота под командованием оберлейтенанта Титьена осталась в резерве, и каждый не задействованный боец этой роты тут же улегся на траву и попытался хоть немного поспать.

На тот случай, если вдруг завяжется бой, я предусмотрительно развернул временный перевязочный пункт. Потом и я расстелил на траве одеяло и вытянулся на нем, чтобы понежиться под лучами утреннего солнца. Хиллеманнс, как всегда, был занят приемом донесений и телеграмм и прочей административной работой. Майор Нойхофф в глубокой задумчивости, молча, уселся на торчавшую из земли каменную глыбу. Наконец он повернулся к нам и сказал:

– 2-й батальон майора Хёке уже движется по мосту через Мемель (Неман)! А на нас опять взвалили работу: нам придется прочесать почти пятьдесят квадратных километров этой забытой богом страны, чтобы поиграть с горсткой проклятых русских в прятки! Мои бойцы вернутся назад, в лучшем случае, лишь ближе к вечеру! Они устанут как собаки, но нам придется снова маршировать до глубокой ночи, чтобы нагнать остальных. Два дня войны и два дня мы не занимаемся ничем иным, кроме как поиском по полям и лесам вражеского сброда!

– Да уж, – поддакнул я ему, – но ведь кто-то же должен заниматься выполнением и этих особых заданий!

– К черту все эти особые задания! – возмутился Нойхофф. – Вы имеете в виду, что мы должны наводить порядок в той проклятой неразберихе, которую оставили после себя другие!

В этот момент наши бойцы привели первых четверых русских, пойманных ими в лесу. Трое из них уже успели переодеться в штатскую одежду, но их коротко остриженные волосы выдавали в них солдат. Двое из них оказались монголами (любимая немецкая сказка. – *Ред.*),

которые враждебно смотрели на нас узкими глазами. Пока Нойхофф продолжал сидеть на своей каменной глыбе и наблюдал за пленными, мы узнали, что одним из убитых на рассвете связанных был ефрейтор Бальцер из нашего батальона. Перевозимые им донесения исчезли, карманы были вывернуты. Губы Нойхоффа сжались в одну узкую линию.

– Убит и ограблен! – едва сдерживаясь, прошептал он, ни на минуту не выпуская русских из виду.

– Один из моих солдат был убит и ограблен! Этого человека, – Нойхофф кивком указал на русского в военной форме, – отведите на сборный пункт военнопленных! А вот этих... – он посмотрел на троих в гражданской одежде, – этих троих партизан!.. Этих проклятых грабителей с большой дороги!.. Я приказываю немедленно казнить их!

Нойхофф приказал вызвать унтер-офицера и шестерых бойцов из 9-й роты. Вскоре расстрельная команда в полном сборе стояла перед майором. Никто из присутствовавших не проронил ни слова, никто не посмел даже пошевелиться.

Нойхофф обратился к своему адъютанту:

– Что вы думаете об этом, Хиллеманнс?

– Слушаюсь, герр майор! – как всегда почтительно ответил тот.

Я посмотрел на пленных. Было очевидно, что они не понимали ни слова по-немецки и не знали, что в этот момент их жизнь висела на волоске. Ближе всех ко мне стоял щупленький паренек лет восемнадцати, гражданская одежда которого свободно болталась на его худом теле. Он испуганно смотрел на меня по-детски широко раскрытыми глазами. Я не мог себе даже представить, что и он мог быть партизаном. Возможно, он раздобыл себе гражданскую одежду лишь для того, чтобы затеряться среди литовского населения и тем самым избежать плена.

Для майора Нойхоффа, который всегда строго придерживался правил цивилизованного ведения войны,¹⁰ коммунистическая партизанская война всегда казалась чем-то чудовищным. Очевидно, в этой кризисной ситуации он хотел получить большую моральную поддержку, чем ему мог дать послушный ответ Хиллеманнса. Нойхофф явно искал кого-то, кто по собственному внутреннему убеждению мог бы присоединиться к его роковому решению.

– Разве я не прав, Хаапе, что мы должны без церемоний расправиться с этим разбойничьим сбродом? – неожиданно обратился он ко мне. Я же не чувствовал ничего, кроме жалости, к этим одетым в лохмотья оборванцам, которые в полной растерянности стояли перед нами.

– Не знаю, герр майор! – ответил я. – Вы абсолютно уверены, что эти русские являются партизанами? Если бы мы могли найти у них что-нибудь, изобличающее их, например оружие или какие-нибудь документы, тогда бы я сказал, что они должны поплатиться за это жизнью по законам военного времени! Если же мы ничего не найдем, то тогда я лучше бы отпустил этих несчастных, чем отягощать совесть напрасной жертвой!

Нойхофф пристально посмотрел на меня. В его взгляде промелькнуло сомнение.

– Обыщите их! – приказал он унтер-офицеру и сопровождавшим его солдатам.

Личные документы, несколько ломтей черствого хлеба и пара щепоток сухого табака – это было все, что мы нашли в их карманах.

– Отправьте их на сборный пункт военнопленных! – отрывисто приказал Нойхофф. Резко повернувшись на каблуке и ни на кого не глядя, он отошел к лошадям. Убедившись, что они надлежащим образом накормлены и напоены, он похлопал своего гнедого мерина по шее и дал ему кусочек сахара.

– Теперь мне придется переписывать донесение в штаб полка! – сердито проворчал Хиллеманнс. Как всегда, он был занят только своими бумагами.

¹⁰ Немцы «цивилизованно» – вероломно и подло – напали на СССР, теперь, видимо, хотели, чтобы с ними вели войну уже «по правилам».

Дехорн проверял содержимое своей медицинской сумки, Мюллер чистил и смазывал мой автомат, а Вегенер разъезжал на «Мерседесе» в поисках нашей санитарной машины, которая до сих пор так и не появилась. Солнце поднималось все выше и выше, и я прилег в тень стоявших поблизости деревьев и стал смотреть сквозь сплетение их ветвей на проплывающие над нами белые облака.

* * *

Мои мысли беспечно блуждали и в конце концов обратились к Фрицу. Я задался вопросом, похоронен ли он уже. Похоронен ли подобно Штоку под скромным березовым крестом в качестве единственного памятного обелиска? Фриц, восторженный, но не фанатичный национал-социалист. Фриц, милый юноша, для идеализма которого день был слишком коротким, а жизнь слишком стесненной в жестких рамках условностей. Фриц, который оказался втянут в войну как в грандиозное, увлекательное приключение. Таким он был, когда я встретил его в первый раз.

«Кёльн, главный железнодорожный вокзал!» – гремел из громкоговорителей голос диктора в тот вечер в начале ноября 1940 года под прокуренными сводами крытого перрона. «Кёльн, главный железнодорожный вокзал!» – отзывалось отовсюду эхо, прорываясь сквозь нарастающее шипение паровозов. Однако это эхо было совершенно излишним, так как солдаты, устремившиеся из только что прибывшего поезда, могли повсюду прочесть название станции – на стенах здания вокзала, на железнодорожных переходах и опорах мостов, на скамьях, на электрических фонарях. Мы слышали, что англичане снимали со своих вокзалов все таблички с названиями станций. Даже дорожные указатели удалили со всех дорог. Это собьет нас, немцев, с толку, думали в Англии, если мы высадимся на их острове. Нам, немцам, это казалось довольно глупым. Во всяком случае, мы не считали необходимым прибегать к подобным мерам... Возможность вторжения на территорию отечества полностью исключалась.

Линия Мажино была прорвана с невообразимой легкостью,¹¹ Франция была покорена, а англичане изгнаны с континента – и это совершили многие из этих одетых в защитную форму мужчин и юношей, которые теперь заполнили главный железнодорожный вокзал Кёльна, крупнейшую сортировочную станцию германского вермахта. Она же была и персональной целью пяти юных унтерарцтов – военных фельдшеров, – которые только что забрали из камеры хранения свое снаряжение.

Мы попрощались с Германией так, как это было принято у студентов, – распитием пяти бутылок рейнского вина «Либфрауэнмильх» на живописной смотровой террасе, расположенной высоко над Рейном. Теперь мы собирались сесть на поезд, который должен был доставить нас к первому пункту назначения, в Гранвиль в Нормандии. Наши низменные инстинкты снова начали беспокоить нас. Это было очень прискорбно, так как во время первичной подготовки новобранцев различные фельдфебели прилагали массу усилий, чтобы освободить нас от этих низменных инстинктов.

«Личности! – Я вспоминаю, как один из фельдфебелей невероятно громко орал на нас. – Итак, вы думаете, что все вы – личности! Вы ошибаетесь – у всех вас есть низменные инстинкты! А вермахту не нужны люди с низменными инстинктами! Моя задача как раз и

¹¹ Линия Мажино, на которой после начала Второй мировой войны находилось 50 французских дивизий, была немцами в ходе Французской кампании (10 мая – 24 июня) обойдена с правого фланга через территорию Бельгии с выходом в тыл оборонявшихся здесь французских войск. Только после отхода французских полевых войск от линии Мажино немцам удалось преодолеть полосу укреплений на узком участке. Многие гарнизоны ДОС (долговременных огневых сооружений, которых на линии Мажино было около 5600, в том числе 520 артиллерийских, 3200 пулеметных и 1800 других) сложили оружие только после капитуляции Франции. Таким образом, немецкие войска линию Мажино не «преодолели с легкостью», согласно автору, а обошли, в результате чего она не сыграла намеченной роли.

заключается в том, чтобы помочь вам побороть свои низменные инстинкты и сделать из вас хороших стрелков!».

Поэтому в июле и августе 1939 года мы научились стрелять из винтовок. При объявлении войны с Англией и Францией мы были заняты тем, что учились, как рыть выгребные ямы для уборных в полевых условиях и бросать гранаты. Начались бои во Франции, и теперь мы научились накладывать временную повязку, подкладывать судно и скакать на лошади. Потом вермахт, видимо, вспомнил о том, что когда-то в далеком прошлом мы были довольно успешными гражданскими врачами, и нам вернули наши стетоскопы и скальпели. Однако с целью помешать тому, чтобы наши низменные инстинкты снова взяли над нами верх, нас держали в подвешенном военном статусе так называемых унтерарцтов – военных фельдшеров. Такие «врачи-кадеты» занимали в военной иерархии место где-то между стрелком-пехотинцем и офицером, они имели право рассчитывать только на то, что им будут отдавать честь рядовые, но, с другой стороны, сами обязаны были первыми отдавать честь всем, от генерала до почтового ящика...

В Париже мы в последний раз дали волю своим низменным инстинктам. В преступном пренебрежении своими воинскими обязанностями мы остались там на один день и на одну ночь дольше, чем это было необходимо, прежде чем продолжить свой путь по Северной Франции. А потом задержались еще на одну ночь в Ле-Мане. Но в Гранвиле начальник медико-санитарной службы 6-й пехотной дивизии, к которой мы теперь относились, быстро вернул нас к действительности и несколькими хорошо подобранными фразами устранил все сомнения в том, действительно ли мы находимся на театре военных действий. Потом нас разделили и распределили по различным батальонам.

Когда легковой автомобиль, присланный за мной из штаба моего нового батальона, вез меня вдоль обширных, уже сбросивших листья яблоневых садов в департаменте Кальвадос в Нижней Нормандии, я задумался о тех людях, вместе с которыми мне предстояло сражаться в настоящей войне. Я нисколько не сомневался в своих способностях как квалифицированного врача, но в гораздо меньшей степени был уверен в себе как в новоиспеченном солдате. Я надеялся, что мои новые боевые товарищи отнесутся к этому с пониманием.

Правда, появление нового унтерарцта не произвело на майора Нойхоффа абсолютно никакого впечатления. Он смерил меня испытующим взглядом с головы до пят, на что я ответил ему вполне сочувственным взглядом. Майор ни словом не обмолвился о прибытии со значительным опозданием нового доктора 3-го батальона 18-го пехотного полка. Однако он не удержался от того, чтобы не выразить сожаление по поводу отсутствия у нового батальонного врача фронтового опыта. Возможно, предположил он, вскоре я приобрету его по другую сторону Ла-Манша. Впрочем, не играю ли я, случайно, в скат или в допелькопф? Действительно играю? Ну что ж, тогда я хоть на что-то сгожусь. После ужина мое присутствие за карточным столом было бы очень желательно. «Лейтенант Хиллеманнс, батальонный адъютант, покажет вам вашу комнату» – на этом моя аудиенция у командира батальона закончилась.

От манер Хиллеманнса веяло таким же зимним холодом, как и от низко висящего в небе ноябрьского солнца. Мне невольно пришли в голову слова начальника медико-санитарной службы дивизии, майора медицинской службы Шульца. «Если вы еще не знаете, – сказал он мне, – вы будете батальонным врачом одного из трех батальонов элитного полка фон Рундштедта.¹² Вашим командиром полка будет полковник Беккер, прекрасный офицер, добившийся выдающихся достижений как в Первую мировую, так и в эту войну! Мои искренние поздравления!»

Мне оставалось только надеяться, что мои обременительные низменные инстинкты сумеют вовремя приспособиться к требованиям элитного полка германской армии. Во всяком случае, несмотря на суровую манеру держать себя, в глазах Нойхоффа проскакивали лукавые

¹² С 19 июля 1940 г. – фельдмаршал. Во время Французской кампании командовал группой армий «А».

искорки. Возможно, и адъютант Хиллеманнс окажется вполне общительным товарищем, хотя его манеры были весьма сдержанными, когда он вел меня через пустой зал офицерской столовой.

Для размещения личного состава 3-й батальон реквизирует часть самого большого отеля городка Литри. Офицерская столовая располагалась на первом этаже, а моя комната находилась в другом крыле здания. После того как Хиллеманнс отвел меня туда, он приказал одному из унтер-офицеров показать мне медсанчасть, место моей работы.

Трое военнослужащих встали навтыжку, когда я вошел в старинную виллу, которой предстояло стать моим первым полем деятельности. Унтер-офицер Вегенер оказался чрезвычайно словоохотливым и изо всех сил старался изобразить из себя опытного фронтовика. Вторым санитар, ефрейтор Мюллер, напротив, не проронил ни слова. Это был светловолосый, симпатичный молодой человек хрупкого телосложения; вскоре я выяснил, что он выполнял почти всю реальную работу. Третьего санитаря, темноглазого, подвижного парня, звали Дехорн. Он был родом из моего родного города, Дуйсбурга. Казалось, что он все замечает, не упускает из виду ни одной мелочи. Дехорн прибыл в батальон совсем недавно со свежим пополнением из Германии. Недолго думая я назначил его своим денщиком и личным ассистентом при оказании раненым медицинской помощи. Вегенер был явно рад, что я не выбрал для этого его «рабочую лошадку» – Мюллера. Однако уже вскоре Дехорн зарекомендовал себя необычайно умелым помощником, который с одного взгляда умел распознавать все мои желания. После того как он распаковал и расставил в шкафу мой багаж, положил на столик несколько моих любимых книг, чтобы они всегда были под рукой, и поставил на видное место на комод фотографию Марты, я его отпустил. В моем ранце еще оставалась коробочка с туфлями, купленными в Ле-Мане, и разные мелочи для Марты. И хотя сейчас многих солдат, принимавших участие в боях во Франции, отправляли в отпуск на родину, мне никак не удавалось найти кого-нибудь, кто мог бы взять все это с собой в Дуйсбург. Такое большое число отпускников вызывало у всех крайнее удивление. Каждый военнослужащий был уверен, что победное шествие вермахта по Франции до побережья Ла-Манша в самом ближайшем будущем завершится вторжением в Англию. В портах Северной Франции уже давно было собрано огромное количество барж, буксиров, моторных лодок и рыболовных судов. Наши подразделения снова и снова отрабатывали операцию «Морской лев», пока, наконец, каждый немецкий солдат не выучил назубок свою «роль». Однако занавес к следующему акту так и не поднялся...

* * *

Когда в 18:30 я спустился на ужин в офицерскую столовую, адъютант Хиллеманнс представил меня другим офицерам батальона. Командир 12-й роты, обер-лейтенант граф фон Кагенек, сердечно приветствовал меня. У него были утонченные черты лица истинного аристократа, на губах играла легкая улыбка. Я сразу проникся к нему симпатией. Обер-лейтенант Штольце из 10-й роты приветствовал меня весело и шумно. Это был человек совершенно другого типа – весельчак, с юмором, огромного роста – настоящий великан, с наружностью и апломбом вельможи, с громоподобным смехом, который во время ужина то и дело разносился под сводами офицерской столовой. Во время приступа смеха он имел обыкновение с такой силой по-дружески хлопать кого-нибудь из товарищей по плечу, что бедный парень едва не падал на колени. Солдаты 10-й роты просто обожали своего командира. Как я вскоре узнал, они все до одного готовы были пойти за ним хоть в огонь, хоть в воду. Совсем другим был офицер-ординарец батальона, лейтенант Ламмердинг. Остроумный, эрудит, с хорошо подвешенным языком, который прибегал к тонкой иронии и сарказму, чтобы утвердиться в офицерском кругу. Только Кагенек мог тягаться с ним в этом благодаря своей врожденной находчивости и остроумию. Но Ламмердинг прибегал к сарказму в отношении только тех людей, которые

были в состоянии постоять за себя и могли дать ему достойный ответ. За его остроумными шутками никогда не стоял злой умысел, а за внешней небрежностью скрывалась холодная как лед решимость. Два других командира роты, капитан Ноак из 9-й роты и обер-лейтенант Крамер из 11-й, не ужинали в этот вечер с нами, так как их подразделения были дислоцированы на некотором удалении от Литри.

Вскоре я заметил, что унтерарцт, вроде меня, без боевого опыта за плечами, в 3-м батальоне не имел особого веса. За исключением майора Нойхоффа я был единственным офицером в батальоне, которому по штату был положен служебный автомобиль, и теоретически в моем распоряжении находился «Мерседес». Как бы там ни было, но у меня никогда не было возможности воспользоваться им, так как Хиллеманнс и Ламмердинг реквизируют его для нужд штаба батальона. Не намного лучше обстояли дела и с лошадью: так в моей жизни появился Западный Вал. Без сомнения, это была худшая кляча во всем батальоне – даже Росинант Дон Кихота презрительно фыркнул бы при ее виде. И эту лошадь дали именно мне, хотя мне приходилось находиться в разъездах гораздо чаще, чем какому-нибудь другому офицеру батальона! Однажды, когда я уже находился почти на грани отчаяния, мне случайно удалось заставить свою клячу скакать галопом. Во всяком случае, мы тотчас стали центром всеобщего внимания. Успех или провал зависел теперь только от моей способности выглядеть так же забавно, как и моя лошадь, – только в этом случае конь и всадник представляли собой цельную картину.

Нойхофф дал мне довольно ясно понять, что не ожидает многого от своего нового унтерарцта. Ну разве что я мог быть четвертым партнером при игре в допелькопф – но длинная полоса неудач не принесла мне уважения и в этом отношении. В возрасте 31 год я был старшим по возрасту офицером нашего батальона после Нойхоффа и обер-лейтенанта Крамера, но из-за своего не поддающегося определению воинского звания я пользовался наименьшим авторитетом в нашем офицерском сообществе.

И состоявшаяся несколько позднее инспекционная проверка, проведенная командиром полка полковником Беккером, не способствовала укреплению моего чувства собственного достоинства. Несмотря на свои 50 лет и многие ранения, полученные во время Первой мировой войны, вследствие которых его левая рука безжизненно висела вдоль туловища, Беккер представлял собой образец офицера. Ничто не могло укрыться от его зорких глаз. Он потребовал от меня объяснений, так как я отдал честь, как и все остальные офицеры батальона, хотя как унтерарцт не имел на это права. Но вечером во время ужина в офицерской столовой он нашел время поговорить со мной о моей работе и в шутку дал мне прозвище Хальтепункт...

Однако со временем Нойхофф начал постепенно ценить меня и как партнера по игре в допелькопф, и как врача. Из наших встреч за карточным столом и из бесед с Ламмердингом я смог составить более полную картину о его личности. Он выдвинулся в офицеры из рядового состава и дослужился в рейхсвере и вермахте до майора и командира батальона. Это было значительное достижение, но, очевидно, он уже достиг своего потолка. Поскольку из-за легкого, однако, хронического конъюнктивита его глаза постоянно немного слезились, Ламмердинг дал ему прозвище «майор Слезообильный».

Как и командир батальона, лейтенант Хиллеманнс вышел из рядового состава. Однако он был очень честолюбивым и обстоятельным почти до педантичности, как по отношению к себе, так и к своим подчиненным. Его сапоги всегда были начищены до зеркального блеска – даже через пять минут после возвращения с марша по вязким ноябрьским полям. Его волосы всегда были разделены безупречным пробором и всегда подстрижены в точном соответствии с требованиями воинского устава. Некоторый недостаток оригинальности и личного обаяния он компенсировал безупречной солдатской выправкой и дотошным знанием всех возможных служебных предписаний, инструкций и уставов.

Лейтенант Шток, один из самых юных офицеров батальона, дал мне точную информацию по многим интересующим меня вещам. Это был симпатичный юноша, 21 года от роду, деликатный и очень музыкальный. Было трогательно наблюдать за тем, как же благодарен он был мне за то, что в моем лице нашел человека, с которым мог поговорить о музыке. Очевидно, из-за своей молодости он так и не нашел себе компанию среди офицеров, собиравшихся в офицерской столовой, одновременно служившей нам и офицерским клубом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.